

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

Региональный этап

11 класс

Два варианта на выбор региона

1 вариант. Комплексный анализ прозаического произведения

А.Т. Аверченко

Счастье солдата Михеева

I

Однажды я прочёл в газете заметку – в отделе «Дневник происшествий». Заметка эта была набрана петитом, поставлена в самом укромном уголке газеты и вообще она не претендовала на исключительное к себе внимание со стороны читателя.

И, однако, прочтя эту заметку, я поразился, я преклонился перед её библейской величавостью, Шекспировской глубиной и дьявольской холодностью стиля околоточного надзирателя, – выдержку из протокола которого заметка, вероятно, и представляла. Врезалась она мне в память слово-в-слово:

«Вчера, в трактир Кобозева по Калужской улице зашёл уличный продавец счастья, предлагавший посетителям конвертики с "предсказанием судьбы"... Бывший в трактире мещанин Синюхин заинтересовался предсказанием своей судьбы и тут же купил у продавца счастья предсказание за 5 коп. Но, вскрыв конверт и прочитав свою судьбу, мещанин Синюхин остался ею недоволен и, вскочив с места, бросился догонять продавца счастья, уже вышедшего на улицу. Тут, на улице между ними возгорелся спор: недовольный своей судьбой, Синюхин стал требовать у продавца возврата уплаченных денег, а продавец отказывался, утверждая, что он и сам не знает, что заключено в конверте. Спор перешел в драку, причем мещ. Синюхин ударил продавца счастья по лицу. Разъяренный продавец счастья, назвавший себя потом Игнатием Рысис, выхватил нож и ударом в живот убил наповал мещ. Синюхина. Рысис арестован».

Не поразительна ли эта сухая газетная заметка: человек купил предсказание своей судьбы, остался ею недоволен, захотел с типичной слепотой глупого человека изменить эту судьбу – и что же? Судьба победила его. Человек нашел свою судьбу очень плохой – и что же? Через пять минут он оказался прав.

И судьба оказалась права.

А «продавец счастья», продавший своему клиенту плохое счастье, кем он оказался в руках судьбы? Послушным слепым орудием.

И я очень, очень жалею, что мне не придется никогда встретиться с Игнатием Рысис, отбывающим где-нибудь в каторжной тюрьме положенный ему срок.

Чувствую я, что это настоящий продавец счастья и что только у него, вероятно, я мог бы с точностью узнать предстоящую свою судьбу.

Так хочется верить, что мне бы он продал счастье лучше, чем счастье мещанина Синюхина.

А, может быть...

II

У ворот сборного пункта, как пчелы, роились бородатые, усатые запасные.

Человек сто их было, одетых в поддевки, зипуны, пиджаки и пальто, накинутые на плечи.

Уже чувствовалось, что постепенно отрываются они – совершенно для себя незаметно – от эгоистической семейной ячейки и что входят они уже, что вливаются они – тоже совершенно для себя незаметно – в одну великую единую могучую реку, называемую армией.

Теряется индивидуальность, теряется лицо – одна серая компактная масса поползёт куда-то, сосредоточенно нахмурив общие брови на общем лице...

Я втёрся в их толпу, и в один момент меня окружила, проглотила масса плеч, голов и спин.

– Что, барин, тоже идёшь? – сверкнул белыми зубами на загорелом лице усатый молодец, широкоплечий, на диво скроенный.

– Нет, до меня пока очередь не дошла, я так.

Обыкновенно при таких встречах всякому пишущему человеку полагается задать солдатам один преглупый вопрос (и, однако, всякий пишущий человек его задаёт):

– Что, страшно идти на войну?

Я не такой.

– Курить хотите, братцы? – спросил я, вынимая свёрток с заранее приготовленной тысячей папирос.

Как куча снегу под лучами африканского солнца, – если такая комбинация вообще мыслима – растаяли мои папиросы.

Лица осветились огоньками папирос, приветливыми улыбками – мы разговорились.

– И чего это, скажи ты мне барин, на милость, русский человек так немцев не любит? Японец ничего себе, турок даже, скажем, на что бедовая голова – пусть себе дышит... А вот поди-ж ты – как немцев бить – и-и-и-их, как все ухватились. И тащить не надо – сам народ идёт.

Чей-то невидимый голос прозвучал сзади меня:

– Понятно: турок, японец, он сбоку тебя идёт, а немец на спину норовит взгромоздиться.

– Верно, Миколаев.

– Опять же о немце и так некоторые выражаются...

Мне так и не удалось узнать, как выражаются некоторые о немце, потому что сбоку весь народ зашевелился и оттуда послышался зычный голос:

– Счасть-е!!! Судь-ба! Пять копеек штука! Кому желательно узнать свою истинную судьбу за пять копеек штука. Нижние чины платят пять копеек, верхние чины – десять копеек!

– Ишь-ты, – умилился кто-то. – Везде, значит, нижним чинам легче!

– Гляди, Михеев, – вскричал мужичонко, заметно формировавшийся уже здесь на сборном пункте в будущего ротного остряка. – Гляди, брат, как тебе повезло, что ты ещё в нижних чинах! Будь ты енералом – тут бы-те и крышка. Разорил бы тебя гривенник.

Широкоплечий Михеев, тот самый, что спросил меня, иду ли я на войну? – отодвинул легонько будущего ротного остряка, и придав лицу серьёзное, строгое, как перед причастием, выражение, протянул продавцу счастья пятак:

– Дай-ка, дядя, на последний. Чего оно там такое?..

И по его сжатым губам, по нахмуренным бровям было видно, что для него – это дело не шуточное.

И все поняли, что перед ними, может быть, решается судьба человека, и тоже притихли, сгрудившись около продавца счастья.

У этого продавца счастья дело было, видно, поставлено на широкую ногу: ящик был обклеен серебряной бумагой, обит золочёными, успевшими потускнеть, гвоздиками, а на крышке ящика сидел старый зелёный попугай, производивший крайне благоприятное впечатление своим добросовестным видом.

Он будто говорил:

– Мне что-ж... Мне всё равно. Я в вашу судьбу не вмешиваюсь. Какой конвертик попадетсЯ, такой и получите. А дальше уж ваше дело.

Вообще, всё предприятие имело солидный вид. Присутствие равнодушного, как сама судьба, попугая как нельзя лучше гарантировало отсутствие элемента пристрастия во всём деле. А если бы счастье вынимала рука продавца или покупателя счастья – кое о чём можно было бы поспорить.

– Птица вынет? – почему-то шёпотом спросил Михеев, с плохо скрытым суеверным ужасом поглядывая на загадочного попугая.

– Птица. Дело Божье – нам вмешиваться нельзя.

Продавец выдвинул нижний ящичек. Попугай механически нагнулся вниз, клюнул и равнодушно протянул клюв, держа в нём счастье солдата Михеева.

Слышно было прерывистое дыхание заинтересованных зрителей.

Михеев перекрестился широким привычным крестом и вскрыл конверт.

Повертел нерешительно жёлтый клочок бумаги, всмотрелся в него и, чмокнув губами, протянул мне.

– Чегой-то печать неразборчива, – заметил он. – Прочти, барин.

И он близко-близко придвинулся ко мне, этот человек, судьба которого была в моих руках.

Я внятно прочёл:

Гадание карьеры.

«Ты красива и найдёшь любящих тебя из среды множества молодых людей. Наконец, влюбишься в известного богача и справедливо, но без взаимности; только соединению вашему помешает много думающая о себе его тётка.

Будь, однако, в постановлениях своих постоянна, так, по смерти этой тётки, он обвенчается и осчастливит тебя. Бог благословит тебя потомством, которое будет тебя уважать и любить. Одна из твоих дочерей, пристойная, выйдет рано замуж, оставит мать и уедет со своим мужем в Америку, где будет счастливой.

Проживешь до 90 лет».

Михеев внимательно прослушал до конца всю подsunутую ему попугаем судьбу и, поразмыслив немного, нерешительно заметил:

– Что-то оно, как будто, не тово, барин... Будто тут больше об женщине. А?

Я обернулся с целью попросить у продавца судьбы объяснения этому казусному случаю, но того и след простыл.

Уважение к солидности его фирмы сменилось у меня лёгким разочарованием и досадой, но я постарался не подать виду.

Приходилось оперировать тем, что было в руках.

– Видишь ли, Михеев, – обратился я к разочарованному, убитому искателю счастья. – Ты не должен понимать того, что здесь сказано, буквально. То есть, другими словами, здесь всё сказано приблизительно. Тебе дан, так сказать, материал, а ты уже сам должен толковать, как тебе более подходит по твоему полу и званию.

Его убитый вид сменился другим – внимательным, с примесью лёгкой надежды в широко раскрытых голубых глазах.

И когда он придвинулся ко мне ближе и взглянул на меня этими доверчивыми, как у ребёнка, голубыми глазами, будто ища защиты и покровительства – сердце моё раскрылось навстречу ему и я решил, что сделаю всё, чтобы утешить и ободрить этого солдата Михеева.

III

– Так вот что, Михеев... Это ничего, что тут, как будто, женская судьба. Ведь, согласишься сам, что у продавца всего один ящик, а покупают у него мужчины и женщины – как же попугаю тут разобраться. Верно?

– Так-то оно так, – согласился Михеев, по-прежнему, с полуоткрытым ртом лоя каждое моё слово.

– А ещё бы же не так! Ну вот теперь, разберём по-настоящему каждую фразу...

– Фразу?

– Ну, да... я хочу сказать: по кусочку. Ну-с... Кусочек первый... «Ты красива и найдешь любящих тебя из среды множества молодых людей»...

Я осмотрел его критическим взглядом и искренно сказал:

– Есть. Парень ты, действительно, красивый. Значит, это верно.

Михеев вспыхнул, опустил голову и стал застенчиво царапать крепким ногтем какой-то узелок на собственном рукаве.

И товарищи тоже осмотрели его и единогласно подтвердили:

– Да парень он что ж... Ничего себе. Парень, как парень.

– Всё, как говорится, на месте.

– Значит, верно сказано.

По тону окружающих было заметно, что кредит жёлтой бумажонки стал заметно подыматься.

– Пойдём дальше. «Влюбишься в известного бог... гм!.. в известную богачиху и справедливо, но без взаимности»... Ну, это, Михеев, тоже понятно. Сердцу, брат, не закажешь! И если понравится богачиха – так тут уж ничего не поделаешь.

– Это верно, – согласились некоторые опытные люди из окружающих, очевидно, уже пронзённые в своё время стрелами крылатого Амура.

– Любовь – зла, полюбишь и козла, – подтвердил кто-то из наиболее израненных крылатым богом.

– То-то и оно, – улыбнулся я, снисходительно оглядывая внимательную аудиторию. – Теперь... что касается «без взаимности» тоже – брат... Ты, Михеев, не обижайся, но богачихи, они народ избалованный – где ж ей любить простого... ты чем занимался раньше?

– Сцепщиком был на железной дороге.

– Да... Где-ж ей полюбить простого сцепщика?

– Что-ж, я понимаю, – скромно согласился Михеев. – Где мне до богачихи. Не по носу табак.

– Это правильно, – поддержал кто-то.

– Нешто нашему брату сиволапому до богачихи тянуться? Жирно будет.

– Лопнешь тут.

– Тут уж не беспокойся.

– Отошьют.

– Дальше. «Только соединению вашему помешает много думающая о себе его тётка».

– Ишь, стерва, – возмутился рыжий солдат из числа искренно сочувствующих Михееву.

– Она, баба, действительно... Куда не впутается, везде дрянь будет.

– Ишь-ты: «много думающая о себе тётка». Дать бы ей хорошей выволочки – так не думала бы о себе много.

– Жидок на расправу их брат, – заметил тот же наиболее израненный стрелами Амура. – От первого леща такой вой подымет, что и-и-их!

– Ну, замолчи. Разговорился тут. Читайте, барин, дальше.

– «Будь, однако, в постановлениях своих постоянен, так по смерти этой тётки он... гм... она обвенчается и осчастливит тебя».

Михеев вдруг прыснул в кулак, но тотчас же, будто испугавшись, принял преувеличенно важный вид.

– Уже, – махнул он рукой.

– Что «уже»?!

– Обвенчались. Восемь лет, как я женат.

– Чего ж ты молчал, – растерялся я, немного сбитый с толку.

– Как же. Девятый год пошёл.

– Что ж, – спросил рыжий солдат, – так оно и было? Богатая была?

– Это как сказать... Двести рублей за ней взял, перину, корову.

– Деньги не малые, – вздохнул маленький мужик.

– Сила!

– Вот оно, брат, судьба-то и оказалась... Попугай, брат, врать не станет.

– Тётка-то была?

– У ей? Была. Такая презлющая, что ужас. В Мокеевке шахтёры её убили. Стряпухой она была на артель.

– Так ей и надо, – поддержал тот же ожесточённый женщинами господин. – Заслужила своё.

– И как это ловко всё предсказано: богачиха – извольте; венчание – извольте; тётка – извольте.

– Я ж тебе говорил – попугай, он себя окажет.

– Оказал. Хитреющая птица.

– Молчите, черти. Только мешаете. Читайте, барин.

– «Бог благословит тебя потомством, которое будет тебя уважать и любить. Одна из твоих дочерей, пристойная, выйдет рано замуж, оставит мать и уедет со своим мужем в Америку».

– Не пущу! – твёрдо и значительно сказал вдруг Михеев, упрямо, как бык, наклонив голову.

– Кого не пустишь?!

– Её. Дочку. В Америку.

– Как же так ты не пустишь, чудак человек, – вмешался рыжий солдат, ежели ейный муж её возьмет.

– Не пущу. Пусть тут сидит.

– Михеев, – возразил я. – Да ведь это же судьба. Как же ты можешь идти напротив??

– Конечно, пусти, – слышались голоса. – Ишь, чёрт, упёрся: «не пущу»!

– Как же так можно мужнюю жену не отпустить.

– За это, брат, по головке не погладят.

– Да уж... Муж, ежели не дурак, такое тебе «не пущу» пропишет, что ног не потянешь.

– Ну, ладно... Пусть едет, – сдался Михеев. – Другая останется. Дальше как, барин?

– «...Где будет счастливой. Проживешь до 90 лет».

– Это я-то?

– Ясно. Вот видишь тут сказано, внизу.

Михеев расцвёл. Ударил себя в полы и радостно засмеялся.

– Это ловко, братцы! Вот тебе и война. И пропишу же я немцу теперь!.. А? До 90 лет!!! А я-то думаю себе: «Эх, бабахнет меня там ядром али пулей – пропал я вместе со всеми потрохами». А? Девяносто лет!

– Делов ты теперь накрутишь, Михеев, – заметил рыжий солдат, безо всякой, впрочем, зависти.

– Говорил же я, что попугай себя окажет.

– Что и говорить – все как по писанному. Спасибо, барин. Утешил.

Товарищи поздравляли сияющего Михеева.

2 вариант. Сопоставительный анализ стихотворных произведений

И. Северянин

В снегах

Глубокий снег лежит у нас в горах.
Река в долине бег остановила.
Вся белая, слилась со снегом вила.
И мы одни идём в своих снегах.
В устах медлительное: «Разлюбила...»
«Всегда люблю!» – поспешное в глазах.

Ну да, всегда... Я знаю, снег растает,
Под звон литавр взломает лёд река.
В ней снова отразятся облака,
И в рощах жемчуг трелей заблестит.
Ну, да – всегда! Об этом сердце знает!
Иначе снег лежал бы здесь – века!

1927

В.С. Высоцкий

* * *

И снизу лёд и сверху — маюсь между, —
Пробить ли верх иль пробуравить низ?
Конечно — всплыть и не терять надежду,
А там — за дело в ожиданье виз.

Лёд надо мною, надломись и тресни!
Я весь в поту, как пахарь от сохи.
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Всё помня, даже старые стихи.

Мне меньше полувека — сорок с лишним, —
Я жив, тобой и Господом храним.
Мне есть что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед Ним.

1980